

Полное оZOOMление

Автор:

Маша Трауб

Полное оZOOMление

Маша Трауб

Мама, папа, сын-студент и дочь-школьница – любимые персонажи читателей Маши Трауб. Мы встречались с ними в книгах «Счастливая семья», «О чем говорят младенцы», «Вся la vie» и многих других. Мы наблюдали за этим семейством во время их отпуска в Греции и в спортивном лагере, следили за их буднями в Москве. И каждый раз это было остроумно, ярко и увлекательно. Так, как умеет только Маша Трауб. А что же происходит с нашими героями сегодня, когда они, так же, как мы все, заперты в собственной квартире, где в каждой комнате и даже на кухне не прекращаются зоотконференции, деловые переговоры в Скайпе, школьные уроки и институтские семинары, а еще выставляется свет и налаживается звук, чтобы дать интервью? Семейство не унывает и находит повод посмеяться.

Маша Трауб

Полное оZOOMление

© Трауб М., 2020

© Оформление ООО «Издательство «Эксмо», 2020

?

Все только начинается, или Девочки, всем привет

– Господи, как же мне все это надоело! Опять электронный дневник завис! Сима, спроси у своих одноклассников, у всех висит или только у нас?

– У некоторых висит сразу, а у некоторых на скрепочке, – ответила десятилетняя дочь-пятиклассница Сима.

– Какой скрепочке?

– Которая под черным треугольничком. На него нажать надо.

– Я с ума сойду с этим дистанционным обучением! Так, у меня телефон не реагирует. Что с телефоном-то? Вася! Помоги уже мне и своей сестре! Кстати, ей нужна своя почта! А мне тайная, отдельная от всех! Так, и давайте составим график использования папиного кабинета, ноутбуков и стационарных компьютеров.

– Свой не дам, – заявил решительно студент Василий. – Я, между прочим, тоже на дистанционном обучении, если вы забыли.

– Ладно, тогда я отдаю свой ноутбук Симе для уроков и беру папин. Андрюш! Ты меня слышишь? Ты можешь мне отдать свой ноутбук завтра с двух до трех? И кабинет уступить?

– А я куда? У меня конференция в это время! – испуганно сказал муж.

– Не знаю, куда хочешь! К Васе или к Симе в комнату уйди, – предложила я.

– Ко мне нельзя! У меня лекция и семинар в Zoom! – тут же ответил Василий.

– А у меня в комнате вообще интернет не ловится, – заметила Сима.

– Тогда иди в спальню! – велела я мужу.

– И как ты себе это представляешь? Мне стол нужен и... книжные полки. Для фона.

– Пока никак не представляю. Так, давайте решать проблемы по мере поступления. Я составлю график на текущую неделю и повешу на дверь кабинета. Если у кого-то что-то важное, например у меня, то я занимаю папин кабинет.

– А если у меня что-то важное, то я уйду в спальню? – уточнил муж.

– Можно я просто самоизолируюсь в своей комнате? – не задержался с комментарием сын.

– Не отвлекаемся. Я записываю. С половины десятого до двенадцати в кабинете Сима. С двух до трех у меня тренировка, тоже в кабинете. Потом запись с четырех, на полчаса. А с шести до восьми у Симы тренировка в кабинете.

– Марусечка, а можно спросить? – поднял руку муж.

– Спрашивай, – разрешила я.

– А почему все в моем кабинете?

– Потому что это самая большая комната в квартире, там идеальный фон для съемок – книжные шкафы, семейная библиотека, хороший свет и роутер рядом! Все изменения согласовываем со мной или вписываем в график. Я как мать имею право ни с кем ничего не согласовывать. И куда вы все пошли? Семейное собрание еще не закончилось!

– Я мусор вынести, – объявил Василий.

– А я в магазин. Хлеба нет, – ответил муж.

Оба ринулись в коридор наперегонки.

– Маски, перчатки! Нос оксолинкой намазали! – крикнула я вслед.

Я пребывала в панике. Привычный режим и распорядок дня рухнул. Новый я еще не успела придумать. А когда я что-то не могу придумать, это ненормальное для меня состояние.

Ночью снился кошмар. Этот сон преследует меня давно. Я стою на вокзале одна с огромным чемоданом и двумя маленькими детьми. И не знаю, в какую сторону надо двигаться.

Утром поделилась с семьей страхами. Да, мне удалось согнать их за стол в одно время, потому что я пожарила гигантскую яичницу и пережаривать не собиралась.

Василий хотел высказаться насчет того, что у него свой график питания и проживания, как это было до самоизоляции, но решил не спорить.

– Мам, у тебя все в порядке? – спросил он, хотя обычно до часу дня предпочитает не общаться с внешним миром. Вася терпит окружающую действительность молча.

– Нет, у меня не все в порядке. Я в истерике и панике. За один день я прошла все стадии восприятия ситуации и сейчас нахожусь на четвертой – депрессии!

– А следующая какая? – уточнил сын.

– Принятия. Но до нее я не дотяну точно!

Так вот, сон. Если раньше мне снилось, что я просто на вокзале одна с детьми, то сейчас мне приснилось, что точно в Белоруссии. И даже не в Минске, а на каком-то полустанке.

– А детей ты по дороге подобрала? – хохотнул сын.

– Ничего смешного! Дети были не вы, а чужие! Значит, вас я где-то бросила! И должна еще о вас беспокоиться! – закричала я.

– Марусечка, ты прекрасно выглядишь! Ничего не случилось? – уточнил муж, зайдя на кухню.

– То есть до этого по утрам я выглядела ужасно?

– Мама в депрессии. И она уже доехала до Белоруссии. Теперь думает, куда ей двигаться дальше.

– О, мы едем в Белоруссию? – рассмеялся муж.

– Нет, мы никуда не едем, – пояснил сын. – Мама нас бросила. Она с другими детьми едет не пойми куда.

– Вася, прекрати издеваться, я в холодном поту проснулась, – рявкнула я.

– Не могу понять, что не так. Но как-то хорошо. – Муж с удовольствием ел яичницу и смотрел то на меня, то на детей.

– С мамой что-то не так, – дала подсказку, не сдержавшись, Сима.

– Нет! С мамой все так! Она такая красивая сегодня! – воскликнул муж.

– Нет, ну ты вообще! – Я все-таки грохнула сковородой по плите.

В десять утра я должна была записать какое-то очень важное рабочее видеообращение, после чего сразу же выйти в рабочую конференцию. Поскольку я не знала, какой дресс-код предполагают рабочие конференции из дома, то на всякий случай нарядилась и накрасилась. Поэтому яичницу я жарила при полном макияже, в платье, которое обычно надеваю на деловые встречи, и на каблуках. Почему на каблуках – не знаю. Обычно в кроссовках хожу, но тут решила, что без каблуков – никак. Их никто не увидит, конечно, но я-то буду знать, что на каблуках, и стану чувствовать себя уверенно. Кажется, мой здравый смысл тоже где-то заперся на карантине, отдав управление мозгом подсознанию. А еще где-то в мозжечке кто-то кричал: «Ааааа! Все плохо! А будет еще хуже!»

– Как в мультике «Головоломка», – сказала я.

– Кто? – уточнила Сима.

– Я как девочка в мультике, а в моей голове творится бог знает что.

– Мам, вообще-то я сама могу фотографировать свою домашку и отправлять. Я уже научилась, – ласково сказала Сима.

– Умница моя. Вот, держи мой телефон, фотографируй и прикрепляй, – обрадовалась я.

Перебив посуду, я привычно села на свое рабочее место, которое находится на кухне, – посмотреть новости, ответить на рабочие письма – и поняла, что у меня ничего нет. Ни телефона, ни ноутбука. Я осталась без средств связи, поскольку моя связь теперь работала на школьный электронный дневник. «Ну и ладно», – решила я. И принялась смотреть в стену. Это продолжалось минуты две. Потом я решила поставить тесто на пироги и сварить суп. Подумав, начистила картошки примерно на роту солдат и засунула ее запекаться в духовку. Да, тесто я замесила не как обычно, а в особо извращенной форме – сначала поставив опару. В тот момент, когда колошматила молотком по мясу, добиваясь идеальной степени отбивки, услышала разговор сына с отцом.

Считается, что сын меня чувствует как-то особенно. И первым замечает, что с мамой что-то пошло не так. Вася у нас физик, единственный и неповторимый в семье гуманитариев. Поэтому к его мнению все прислушиваются – физики умеют анализировать, сопоставлять данные, и вообще они гении, подключенные к космосу.

– А что с мамой? – спросил муж.

– Пока все нормально, – ответил сын, – просто нервничает. Сейчас она придумает, как мы будем жить дальше, и успокоится. Если пока не затеяла ремонт и не перекрашивает кухню в новый цвет, нет повода для беспокойства. Как только почувствуешь запах растворителя, можно начинать волноваться.

– А как пахнет растворитель? – уточнил муж.

– Помнишь, когда мама отправила Симу на спортивные сборы одну в первый раз? – спросил Вася.

– Даже не напоминай! – замахал руками муж.

Да, это было тяжелое лето для нашей семьи. Намного тяжелее предстоящего, пусть и в самоизоляции и с сорванными поездками.

Сборы проходили в подмосковном пансионате. Я засекала время от дома до ворот пансионата – двадцать минут без пробок.

Про сами сборы девочек, занимающихся художественной гимнастикой, – отдельная история. Но тогда, в те две недели, я просыпалась ровно в четыре утра. Именно в это время просыпался мой муж и начинал тихонько причитать: «Давай заберем, давай заберем. У меня сердце неспокойно. Она плакала вечером». Вечером девочкам выдавались мобильные телефоны, чтобы они могли поговорить с родителями. И муж неизменно спрашивал: «Тебе там совсем плохо? Может, забрать? Ты кашляешь? Ты плачешь? Тебе душно? Тебе плохо?» Сима в ответ начинала рыдать так, что тренерам приходилось вливать в нее валерьянку, чтобы успокоилась. Я синхронно с тренерами вливала валерьянку в мужа. Но ее действие заканчивалось в четыре утра, когда он открывал глаза и затягивал свое: «Давай заберем, давай заберем». Вася в тот момент находился в Карелии, где греб на байдарках по экстремальным порогам и звонил раз в три дня. И то, если найдется подходящее дерево, на которое можно залезть, чтобы поймать связь. Муж, увидев, что я перестала реагировать на него в четыре утра, в пять затевал новую песню: «Как там Вася? Он уже два дня не звонил. У него все хорошо? Куда можно позвонить, чтобы узнать?»

Вот тогда я и покрыла все деревянные поверхности в доме лаком, расписала холодильник в ядерные цвета, купила чайник и микроволновую печь алого цвета. Причем точно помню, что для меня было очень важно, чтобы цвет бытовой техники совпадал с цветом моего маникюра. Заодно поменяла плиту, в чем не было особой необходимости. Но мне вдруг отчаянно захотелось именно новую плиту в ретростиле и непременно зеленого цвета.

Вася вернулся в тот момент, когда я собиралась выкинуть холодильник, только что обновленный, отмытый и расписанный цветами. Только сыну удалось остановить меня от полного ремонта в квартире. Когда я добралась до мастики,

мелков и прочих средств для восстановления паркета, Вася забил тревогу. В доме невыносимо пахло растворителем. Я, натянув на нос и рот горнолыжную маску сына, что-то без конца терла и смывала. Ползала по полу, затирая, замазывала и писала объявления – «не наступать», «не заходить». Сын с мужем передвигались, перепрыгивая через участки, покрытые мастикой и лаком. Так я реагирую на все стрессовые ситуации – пеку, готовлю, обновляю, переделываю. Как-то поменяла обивку на всех стульях в доме и перетянула диван.

Сима наконец вернула мне телефон, который истерически мигал новыми сообщениями. Поскольку моя дочь – круглая отличница и всегда все знает, от домашнего задания до расписания уроков, то отчего-то считается, что я тоже владею сокровенными знаниями, как мать отличницы. А я не владею! Две мамы в личных сообщениях уточняли, на какой треугольник жать и где вообще находится пресловутая скрепочка, к которой нужно прикреплять задания. В родительском чате все обсуждали сообщение мамы Влады: «Девочки, всем привет. Передайте классной, что мы уезжаем на дачу, а там нет связи. Мы не сможем учиться. Увидимся после самоизоляции! Всех целую и обнимаю!»

У меня был единственный вопрос: «А что, так можно было?»

– Мам, я не понимаю, что здесь написано! – ворвалась на кухню Сима.

– Идентификатор конференции, – прочла я в ее ученическом, отдельном от родителей чате. – Видимо, это для уроков. Надо ввести номер конференции и пароль.

– Я это поняла! Я не могу это выговорить! – чуть не плакала дочь.

Минут десять отрабатывали с ней произношение слова «идентификатор». Я решила, что на этом слове можно прекрасно проверять степень опьянения. Своего, например. Или мужа. Пока все закупались гречкой, я пополняла семейный бар, решив, что без гречки я выживу – у меня чечевицы и фасоли стратегический запас, а вот без вина – точно не проживу.

«Пришлите, пожалуйста, скрин задания!»

«У нас не открывается ссылка!»

«Нам тоже ошибку выдает!»

«А когда заходить на эту конференцию? Сейчас?»

«Вроде бы завтра».

«Где вообще эти ссылки находятся?»

«Я вообще чёт ничё не понимаю».

«Кто-нибудь сделал английский?»

Пересланное сообщение:

«Может, планета хочет отдохнуть? Она устала от суеты людей, она взбрыкивает штормами и ливнями, она температурит безморозной зимой, она встряхивает себя землетрясениями, как собака, которая устала или вышла из воды. Теперь у Земли аутоиммунное заболевание, и планета выбрала способ излечения: собрать всех дома. Каждого жителя – внутрь своей страны, внутрь своего дома, поближе к родным стенам. Чтобы отдохнули от работы, суеты, вечной спешки...»

«Б...»

Пересланное сообщение:

«Уважаемые родители, убедительная просьба сдать деньги до конца недели на ремонт онлайн-школы».

«Б...»

Пересланное сообщение:

«Сегодня с 23:00 до 05:00 со спутника лазером будут замерять температуру у населения. Просьба по возможности стоять у открытого окна лбом по

направлению к звездам».

«Уважаемый айфон 1976, это официальный чат нашего класса, с классным руководителем. Ваши комментарии оставляйте в родительском чате без учителя. И лучше вообще воздержитесь от нецензурных комментариев!»

«Полностью поддерживаю айфон 1976!»

«Я за!»

«За что вы за?»

«За сдачу денег на нужды школы! Нашим детям еще там учиться! Школу нужно поддержать».

«Б...»

Классный час, или Кто такой Ленчик-могила?

На первом школьном классном часе в режиме онлайн Сима сидела в домашнем платье с аккуратно заплетенной косой. Порывалась надеть школьную форму. Классная руководительница Мария Сергеевна собиралась сообщить детям расписание онлайн-уроков.

– Ой, я не могу так учиться! – закричала Полина. – Я жирная на экране!

– Хи-хи, хи-хи!

– Я что-то нажала и никого не вижу.

– Так, все замолчали и слушаем меня. Я буду сообщать в чате, какие учителя смогут подключаться к дистанционному обучению. Сейчас некоторые на больничном. – Мария Сергеевна пыталась навести порядок в онлайн.

– Ой, нееееет! Не нааадоооо!

– Кто это сейчас закричал? – строго спросила классная.

– Это Алиса кричала!

– Нет, это не Алиса, она вообще еще не подключилась!

– Это я кричала! Могу еще раз! Ааааа! – закричала Анечка.

– Че? Я все прослушала!

– Так, кто у нас айфон? Быстро откликнитесь! – потребовала Мария Сергеевна.

Все молчали.

– Полина, господи, что у тебя с волосами? И с лицом? – воскликнула классная руководительница.

– Я покрасила. Всю голову вместе с лицом.

– Надеюсь, к маю отмоешься, – с надеждой сказала классная.

– Зачем отмываться? Папа считает, что мы в мае не будем учиться. Вообще больше не будем. Мама говорит, что бабушка надвое сказала. А бабушка у нас надвое не говорит. Она в квартире заперлась и даже маму не пускает. Мама ей продукты привозит, оставляет под дверью и отходит. А еще рулетку из дома берет, чтобы расстояние измерить. Оставляет продукты, отходит, измеряет расстояние, показывает бабушке в глазок, что полтора метра, бабушка только после этого дверь открывает. Мама говорит, что все это потому, что бабушка – папина мама, а не ее.

– Так, дети, сейчас у всех сложности, нужно проявить терпимость и терпение. Кто такой Ленчик-могила? – строго спросила классная. – Разве у нас в классе есть Леонид? Машенька, на следующий урок ты должна подготовить доклад!

– Я? – откликнулась моя дочь Сима, поскольку я отдала ей для уроков свой ноутбук и она привыкла откликаться и на свое, и на мое имя.

– Нет, Симушка, у тебя как всегда все идеально – имя, фамилия, класс. Дети, смотрим все на Симу и быстро берем с нее пример, кто еще не взял! А кто у нас Мария? Кто так зарегистрирован в Zoom?

– Это я.

– Кто я?

– Юля Гаврилова. Мария – моя мама. Ноутбук ее.

– Так, дети, попросите родителей, чтобы вас ввели под вашими настоящими именами и фамилиями. Иначе учителя будут путаться! И никаких могил чтобы!

– Мария Сергеевна, кто-то фоткает! – возмущенно сообщила староста класса Катюша.

– Кто фоткает экран? – оживилась Юля.

– Меня не надо фоткать! Я жирная! – закричала Полина.

– Дети, у вас есть вопросы? – пыталась всех перекричать классная.

– У матросов нет вопросов! – сообщил бодро Петя.

– Ксюша удалилась из конференции. Ей надо назад? А всем можно удаляться? А в чате можно писать? О, прикольно, а можно заставки разные ставить? А свою фотку и отключить видео можно?

– Так, все успокоились! Мы должны проявить ответственность... Староста! Катюша! Обзвонить всех отсутствующих и узнать причину! – призвала опять всех к порядку Мария Сергеевна.

– Шаланды, полные кефали... – запел Петя.

– А я покушать не успел. Чё, баб? Не, не могу! Бабушка зовет обедать, суп согрелся.

– И я не успел покушать.

– И я.

– А я успела.

– Так, не покушать, а поесть! Суп греем заранее и съедаем, чтобы не отвлекаться! Все поняли?

– А что бабушке сказать?

– Апчхи!

– Будь здоров!

– Будь здоров!

– Будь здоров!

– Так, записываем, следующая конференция состоится...

– Я забыла, как писать. Рукой? Можно сфоткать экран?

– В 12:00. Никто не опаздывает. Подключаемся вовремя!

– Нееееет! Аааааа! Я еще сплю в это время! – простонала Анечка.

– А я в пижаме! – заявила Катюша.

– А я в трусах! – поддержал тему Кирилл.

– Так, всем быть в приличном виде! Суп съесть!

– А котлету есть?

– Говорят, что мы летом будем учиться.

– Я не буду.

– И я.

– И я.

– У бабушки кастрюля с супом сгорела.

– Так есть котлету или нет?

– Я точно не проснусь к двенадцати. Это невозможно!

– И еще! Не заходите в другие конференции! Настя вчера появилась на моем уроке у одиннадцатиклассников! Это то же самое, как если бы Сева ушел с математики и появился на уроке русского!

– Почему сразу я? Я бы на физру пошел!

– А кто зашел?

– Никита.

– Мне было просто интересно.

– А у Лени была температура!

– Не было у меня температуры!

– Была!

– А Маша вышла из конференции!

– И Тася тоже!

– Почему им можно выходить, а нам нельзя?

Тут же пришло сообщение от председателя родительского комитета в родительском чате: «Уважаемые родители! Проследите за детьми! Это полное безобразие, как проходит видеоконференция! Дети смеются, прыгают, перебивают, едят! Пихают в экран домашних питомцев! Одна девочка всех напугала крысой!»

«Это не крыса, а морская свинка! Дочь кормила ее морковкой», – ответила мама девочки со свинкой.

«Она лежала на диване в пижаме!» – возмутилась глава родительского комитета.

«Нет, значит, это не мы, – обрадовалась мама девочки со свинкой, – моя одетая была».

«Петя опять пел! А Женя ел! Чтобы никто больше не пел и не ел!»

«А вот вопрос. Почему у второй группы английского на один урок больше, чем у первой?» – возникла в чате еще одна мама.

«Вам же лучше», – ответила глава комитета.

«Нам же хуже», – отреагировала мама.

«Попросите детей, чтобы перестали пихать домашних питомцев в экран! Учителя и дети отвлекаются! Проявите...»

В этот момент бесплатный Zoom закончился. Мы сами должны решить, что должны проявить. Но тут же в родительский чат пришло сообщение с тремя восклицательными знаками от классной руководительницы: «Уважаемые родители, огромная просьба зарегистрировать детей в конференции Zoom под настоящими именами и фамилиями. Никаких прозвищ, вроде Полик-Лелик,

Катюха-красотка, а также Пончик, Колесо и Киса. Сегодня на классном часе появился Ленчик-могила! Кто это? Учителя должны узнавать детей сразу! И еще – учителя тоже люди и выпадают из конференций. Дети пусть ждут. Учитель вернется!»

«Доброе утро. А классный час уже начался или закончился?» – спросила в родительском чате мама Шушука.

«Добрый день. Закончился. Был на шестом уроке, согласно расписанию», – строго ответила глава родительского комитета.

«Какому расписанию?» – искренне удивилась Шушука.

«Досамоизоляционному!»

«А самоизоляционное расписание будет?» – спросила мама Нюся-Кукуся и поставила кучу рыдающих смайликов.

«Доброе утро. А у всех получилось без проблем классный час посетить?» – вежливо уточнила мама Миссис Смит.

«Ой, а это вы в честь Анджелины Джоли себя так называли?» – спросила мама Катя, которая с первого класса задает наивные вопросы в лоб, которые вертятся у всех на языке, но никто не решается спросить.

«Да».

«Прикольненько».

«Да».

«Да».

«Это вы про что? Я потеряла связь», – уточнила глава родительского комитета.

«Не было проблем со связью».

«А кто знает про Спартака? Отправлять надо? Или устно?» – спросила еще одна мама.

«Какого Спартака? Мишулина? Это по какому предмету? Он же умер, царствие ему небесное».

«Мишустин? Как умер? Как вы такое говорить можете? Вам не стыдно?»

«Ну, Спартак-то точно умер».

«Какой из?»

«Родители, прекратите немедленно! – возмутилась глава родительского комитета. – Давайте не будем позволять себе подобные шутки в подобной ситуации!»

Дальше началась вакханалия. Глава родительского комитета призывала отвечать на вопросы, выделяя, собственно, вопрос задающего. Иначе ничего не понятно. Как выяснилось, Спартак – тот, который с восстанием и точно умер, по истории. Нужно написать небольшой доклад. По желанию на дополнительную оценку. С Мишулиным его перепутала бабушка Славика, потому что очень любила этого актера. В театр специально на него ходила. Теперь очень скучает по театрам, просто жизни нет. Раньше два раза в неделю с подружками ходили, а сейчас? Когда откроют-то? А Мишустину дай бог здоровья, конечно.

«Девочки, а вы видели новый приколы? Ловите ссылку».

«Новая программа в Гугле – можно выбрать животного и посмотреть его в 3D. Через тридцать секунд у вас дома появляется тигр или крокодил! Вы можете сфотографировать детей с ними, и они могут ходить вокруг него. Это заставляет нас быть очень занятыми сегодня!»

Я сдерживалась как могла, но прошла по ссылке. Было интересно, какой «прикол» заставит родителей «быть очень занятыми сегодня».

Можно было выбрать из списка животных – от императорского пингвина до шетландского пони (орфография сохранена), от ара до козла. Змеи, ротвейлеры, бурый медведь, акула, ежик. Я выбрала ежика и поместила его на книжную полку. Потом выбрала крокодила и посадила его в ванну. Ротвейлера я удачно усадила на кухонный стол. Показала Симе. Дочь равнодушно пожала плечами и не впечатлилась. Я еще пару часов пристраивала шетландского пони в кресло и запускала акулу в раковину.

Утром вышла в рабочую конференцию. Все улыбались и хихикали. Я не могла понять причины. Была злая и невыспавшаяся, поскольку опять всю ночь простояла с чужими детьми на далеком белорусском вокзале.

Уже после конференции коллега прислала мне скрин экрана, на котором я значилась под именем и фамилией дочери и училась в пятом классе «А».

Сын зашел на кухню с вопросом, не надо ли чего в магазине. Они с отцом семейства наперегонки бегают, лишь бы был повод выйти.

– Вода, сок, картошка, – ответила я.

Спустя полчаса начала нервничать – сын не возвращался, а картошка была мне нужна к обеду. Я подумала, что он решил погулять кругами, чтобы проветриться, и терпела еще полчаса. Потом еще минут десять убеждала себя, что Вася, возможно, решил сделать несколько кругов вокруг дома, чтобы проветриться окончательно. Я же ездила к врачу, а потом еще минут десять каталась на машине вокруг дома, пытаюсь убедить себя в том, что все хорошо, я в машине, куда-то еду по делам, нормальная обычная жизнь. Я следила – Вася отсутствовал уже сорок минут. Тут в голову полезли страшные мысли – он в призывном возрасте, паспорт наверняка не взял, ходит без перчаток. Еще минут пять я кружила по кухне.

– Вася не возвращался? – спросила я у дочери.

– Не знаю, у меня уроки были, – ответила она.

– Вася не возвращался? – спросила я у мужа.

– А он уходил? У меня конференция была, – ответил муж.

Тут я уже совсем почти сошла с ума и начала впадать в панику. Набрала его номер. Гудки есть, но не отвечает. Я бросила телефон и принялась отмывать противень, чтобы хоть как-то отвлечься. И в этот момент на кухню зашел сын.

– Мам, ты чего звонишь? – спросил он.

Я подпрыгнула на месте от неожиданности, бросила недомытый противень и кинулась его обнимать.

– Слава богу, с тобой все хорошо! – причитала я.

– Мааааам? – Вася, судя по его лицу, решил, что я совсем ку-ку.

– Я не поняла, а где картошка? – спросила я.

– Так я не ходил еще в магазин.

– А сказать мне об этом не мог? Я уже с ума сошла от волнения! И что ты делал все это время?

– У меня были лекция и семинар. Сейчас пойду за твоей картошкой, не волнуйся.

– Господи, кто мне говорит про волнение! – Я заорала так, что на мой крик прибежали муж с дочерью. – Вообще не волнуюсь. Ни капельки! Я – само спокойствие. Будда практически!

Я орала на всю квартиру.

– Что с мамой? – спросила Сима.

– Мама не волнуется, – ответил Вася, – только я не понял, что ее больше не волнует – пропавший я или картошка, которую я не купил.

– Ты не купил картошку? Я схожу! – обрадовался муж и сбежал в магазин.

Как устроить личную жизнь в условиях самоизоляции

Сын – студент второго курса физфака МГУ Василий (да, я могу повторять это бесконечно, поскольку от самой фразы впадаю в материнскую экзальтацию) – тоже учится онлайн. Лекции, семинары. Но тут я зашла к нему в комнату и увидела, что он стоит в футбольной форме своей университетской команды и держит на ноге футбольный мяч, причем грязный, вроде как чеканит. Дочь фотографирует. Потом сын снял форму и взял гантели. Поднял два раза. Дочь продолжала съемку.

– Это что? – спросила я.

– Отчет по физре. Дважды в неделю надо отправлять, как я занимаюсь спортом, – ответил сын, заваливаясь на кровать.

– А мне доклад про здоровый образ жизни на физру писать, – грустно добавила дочь.

Но тут я заметила, что Василий часто выходит на балкон. Причем старается делать это тайно. Надо учитывать, что обычно он громыкает всем, до чего дотрагивается, а тут вдруг научился аккуратно прикрывать дверь. Я даже не замечала его отсутствия, пока таинственным образом из кухни не стал исчезать мусор. Вот еще пять минут назад я собиралась его вынести, а ведро уже стоит пустое. И судя по тому, что в нем не появился новый пакет, это дело рук сына – он никогда не меняет пакет в ведре.

– Вась, ты где был? – невинно спросила я, когда сын вернулся с балкона.

– На общем балконе на этаже, – ответил он, – дышать ходил.

– Вась, ты куда ходил? – спросил отец семейства.

– На балкон, – повторил терпеливо сын.

– Тебе не кажется, что он начал курить? – спросил меня вечером муж.

– Не знаю. Но запах я не чувствую, – пожала плечами я. Сыну девятнадцать, так что он сам вправе разбираться со своими вредными привычками.

– Может, электронные сигареты?

– От них тоже есть запах.

На следующий день Василий снова тайно посещал... балкон.

– Может, выходит выпить? – поделилась я своими мыслями с мужем.

– Глупости, ему ничто не мешает выпивать дома. Я сам ему вчера виски предлагал. Он отказался. – Муж категорически отверг версию с тайными возлияниями.

Поскольку я не могу долго молчать, если меня что-то волнует или интересует, на следующий день я спросила сына напрямую:

– Васюш, а что у тебя на балконе происходит?

– Личная жизнь, – ответил сын.

– Это как? – уточнила я, поскольку мне уже вправду стало очень интересно. Может, и мне такая личная жизнь нужна?

Выяснилось, что в нашем подъезде живут три прекрасные девушки, которые избрали общую лестницу для личных тренировок во время самоизоляции. Одна с девятого этажа, другая с шестого, третья с пятнадцатого.

Наш незастекленный балкон на тринадцатом этаже оказался вроде как посередине маршрута. К тому же мы никогда не запирали дверь, ведущую с общей лестницы на наш балкон и лестничную площадку. Так что именно на нашем этаже девушки останавливались, чтобы потянуться, передохнуть и сделать несколько махов ногами. На балконе же, куда Василий действительно выходил подышать, они и познакомились.

– А ты не хочешь с ними бегать? – спросила я.

– Зачем? Они сами прибегут, – улыбнулся сын.

– То есть ты пока встречаешься сразу с тремя? – уточнила я.

– Ну да, у них график тренировок не совпадает.

– И какая из них тебе больше нравится?

– Пока не определился.

Раз в месяц отец семейства пересылает Василию деньги на карту – на питание, проезд и прочие нужды студента. Официальная стипендия у нашего бюджетника – две тысячи четыреста рублей. Говорят, что на гуманитарных факультетах и того меньше. Муж вспомнил, что в его время – 1980-е – в том же университете стипендия хорошиста составляла 40 рублей, отличника – 50. Как он говорит, «по ощущениям», поскольку точный эквивалент подсчитать затруднительно, это примерно нынешние 20 и 30 тысяч рублей соответственно, вряд ли меньше. Десять сытных комплексных обедов в ресторане гостиницы «Москва» на одну стипендию в советское время – это не шутки!

– А если потом развестись и снова жениться, то это работает? – услышала я разговор сына по телефону. Мое богатое воображение уже нарисовало на моей собственной кухне юную барышню, которую я должна буду считать своей родственницей и делиться кастрюлями. Но все оказалось не так страшно. Оказалось, сын смотрит список возможной материальной помощи от студенческого профсоюза – на их факультете это очень влиятельная организация. Список, надо признать, приличный и включает в себя не только выплаты по таким признакам, как «потеря кормильца», «из малоимущей семьи», но и, например, небольшую компенсацию в случае операции по коррекции зрения. По всем пунктам есть оговорка – не более десяти тысяч. Самые существенные выплаты – в случае женитьбы или замужества и рождения ребенка. Молодую семью готовы поддержать суммой около 18 тысяч рублей. Вот мой сын и решил в шутку уточнить: это единовременная выплата или женись сколько хочешь?

В условиях карантина студентов поддерживали материальной помощью в полторы тысячи рублей.

Вася мне сейчас очень помогает – разбирается с круговыми лампами, ставшими практически жизненной необходимостью в условиях самоизоляции. Они нужны для установки света во время видеозаписей. А их у меня теперь много.

Сначала купили круговую лампу для меня, потом организация мужа прислала «казенную». Наша оказалась лучше. Сын умеет выставить свет так, чтобы я не сверкала сединой, а муж – лысиной. Чтобы наши морщины не бросались в глаза. Он умеет отправлять «тяжелые» видеофайлы, показывает, сколько времени осталось до конца съемки, если, например, требуется ровно три минуты или не больше пятнадцати. Ладно, чего уж говорить – только сын умеет меня снять так, чтобы я себе нравилась в кадре. Он бросает все свои дела, чтобы мне помочь.

– Может, Васе приплачивать за дополнительную работу? – спросила я растроганно у мужа.

Василий в это время причитал, что ему надо было поступать на операторский факультет ВГИКа, а не на физфак МГУ.

– Я ему сократить хотел, пятьдесят процентов платить, как всем, – рассмеялся муж.

– Тогда я из своих ему перечислю, – ответила я.

– Он же не врач, а ты не Минздрав, – продолжал шутить муж.

– Он меня сейчас убьет. Я уже четыре раза переодевалась для съемки. И три раза вступительную часть записывала. То слово не могла выговорить, то забывала, о чем сказать хотела. Он страдал, – призналась я.

– Готовься к съемке заранее, – строго ответил муж.

– Я готовлюсь! Но у меня от этой круговой лампы глаза вываливаются.

– У всех вываливаются.

– Мам, ты права в основном, – зашел в комнату сын. – Ты умеешь сделать так, чтобы отвлечь ребенка от занятия, а не привлечь. Я точно не женюсь в ближайшее время. Спасибо тебе большое.

– Вася, семейная жизнь – это счастье!

– Да, мам, конечно. Я это давно понял. Сейчас прямо остро осознал. Но хотя бы попытайся справляться без меня.

– Васюш, я не могу без тебя. Когда ты будешь жить отдельно, я буду тебе звонить и спрашивать, какую кнопку мне нажать на телефоне или на компьютере! Еще буду просить показать мне твой холодильник и кухню в режиме реального времени! И, кстати, у тебя есть младшая сестра, которая тоже будет требовать внимания.

– Вот поэтому я не женюсь.

– Какая связь?

– Мне надо найти девушку, которая станет терпеть и тебя, и Симу!

– Почему это нас надо терпеть? – строго и даже обиженно спросила Сима. – Нас надо любить.

– Мы не будем тебе часто надоедать! Всего два раза в день. Или три. Ну, максимум четыре. А папа будет присылать тебе фотографии уток, рассветов и закатов! – пообещала я.

– А ты будешь делать со мной математику! – пригрозила Сима.

– Все, можно я хотя бы на три часа самоизолируюсь в свою комнату? – застонал сын.

– Можно, только сначала проверь домашнее задание по математике у сестры. И она там что-то не поняла в олимпиадном курсе – объясни ей, пожалуйста. Еще надо в магазин сходить – опять вода и соки закончились. А после этого сколько

хочешь самоизолируйся. Обещаю, даже не зайду в твою комнату. Только один раз – спросить, что ты хочешь на ужин.

– А я зайду два раза, – пригрозила Сима, – потому что я скучаю, даже когда ты в соседней комнате.

Совершенно случайно заметила у сына под футболкой шнурок. Раньше точно не было никакого украшения.

– Вася, у тебя там что, крест? – ахнула я, представляя, что сын до самоизоляции успел пройти обряд крещения и начал ходить в церковь. Тут же начала паниковать – сын перестал ужинать и иногда просит порезать ему салат или приготовить что-нибудь легкое. Говорит, что не голоден. А вдруг он держит пост? А я ему мясо предлагаю. Хотя вроде бы все посты уже прошли.

– Мам, ну ты совсем уже, – ответил сын и показал украшение. Две железные пластины с выбитыми на них названиями групп. На одной – «Нирвана». Я успокоилась. «Нирвану» я знаю.

Буквально дня через два Сима провела у Васи в комнате инспекцию. Она собиралась забрать у брата клей, скотч, линейку, листы бумаги, маркеры, выданные ею ранее. Сима всегда все помнит и составляет списки, кто у нее что взял. Я, например, у нее беру шпильки и резинки для волос, и она точно помнит, сколько шпилек я ей должна. Непонятные или неучтенные вещи Сима не признает и требует объяснений.

– Мам, а что у Васи за пакет под столом лежит? – спросила у меня дочь.

– Понятия не имею, – ответила я. – А что? Это ведь его пакет. Давай мы не будем брать личные вещи Васи. Это нехорошо.

– Я знаю, что нехорошо. А то, что этот пакет пахнет так, что мне нехорошо, – это хорошо?

Да, к запахам Сима очень чувствительна. Опять же, я помню, как находила у сына, еще младшего школьника, стухшее вареное яйцо, которое он спрятал в рамках эксперимента. Кажется, собирался выделять аммиак. А про огрызки

яблок, банановую кожуру, которые мумифицировались на дне ранца и почти разложились на молекулы, я вообще не хочу вспоминать.

В пакете обнаружилась футболка, причем женская. Мужской длинный шарф. И вязанная крючком тибетейка, которую носят мусульмане. Нет, не кипа, что я еще могла бы объяснить наличием еврейских предков.

– Прости, пожалуйста. Но мне пришлось заглянуть в пакет, – предупредила я сына. – Давай я все постираю и сложу обратно. Хотя, конечно, у меня вопрос.

– Про женскую футболку? – рассмеялся сын.

– Нет, про головной убор. Ты... тебя волнуют вопросы религии? Ты ходишь в мечеть?

– Да, мам. Надеваю женскую футболку, обматываюсь шарфом, тибетейку на голову – и в мечеть! Отмечали день рождения, народу было много. Кто-то забыл. Я уходил последним и забрал на хранение. Уже полгода под столом пакет валяется. Хотел отдать вещи, но тут самоизоляцию объявили.

Я как-то ласково намекнула сыну, что страдаю. И пусть он мне рассказывает хоть что-нибудь. Не важно, про что. Мне все интересно. Сын показал презентацию – Роскосмос приглашает студентов физфака стать участниками космического форума. Организаторы – что-то вроде кафедры физики космоса, отдела космических наук НИИ ядерной физики и еще много других красивых слов. Особенно меня тронули названия спутников, которые тоже значились в проспекте – «Татьяна-1», «Татьяна-2», «Ломоносов 2016», «Сократ-Р».

– О, давай ты пойдешь на эту кафедру, запустишь спутник и назовешь его моим именем! – обрадовалась я, – Кто-то же назвал спутник «Татьяна». Наверняка в честь любимой жены или дочери!

– Или в честь святой Татьяны – покровительницы МГУ, что логичнее. Мам, ну сама подумай – может ли спутник называться «Мария»? Это же не вилла в Италии или Испании. Вот «вилла Мария» – просто отлично звучит.

– Ты сейчас меня обидеть хотел или комплимент сделал?

– Конечно, комплимент. Вилла – лучше, чем спутник!

– Какая вилла в нынешней ситуации! – закричала я, поскольку наша поездка не на виллу, а в квартирку на берегу моря отложилась до лучших, не пойми каких, времен.

Так что с космосом у нас не сложилось. Сын объявил, что подумывает пойти на кафедру физики ускорителей и радиационной медицины. Тут я от гордости чуть со стула не упала и решила испечь по такому случаю торт.

– Ты будешь людей лечить, да? Создавать аппараты, которые помогут бороться с раком? – спросила я.

– Ну или буду облучать продукты, чтобы продлить им срок годности. Очень актуально сейчас.

– Не хочу ничего слышать! Ты не будешь облучать продукты! Иначе ты не мой сын! Продукты должны быть свежими без всяких сроков годности! Ты вырос на твороге, который я сама делала! Да я сыр ради тебя научилась варить! Хлеб домашний пеку! Рыбу, которой я могу смотреть в глаза, по всему городу ищу! Я буду думать, что ты хочешь спасти человечество! И вообще, я хочу знать, как зовут твою девушку! И бывшую, и будущую! Хочу знать, как твои дела в университете и почему ты опять завис в телефоне! Прояви уважение! Что ты сейчас читаешь? Что смотришь? Я все еще имею к тебе отношение!

– Хорошо, мам. В телефоне шахматы – играю онлайн с однокурсником. Читаю Бобби Фишера. Арина, Катя, Настя. Еще были Алиса и Лиза в младшей школе, но ты про них уже писала. Сейчас никого. Ну, почти. Саша с девятого этажа, которая бегают, вроде ничего, только зожница на всю голову. Смотрю новый фильм Скорсезе. Кстати, ты сейчас со мной как журналист разговариваешь или как мать? – рассмеялся сын.

– Как писатель, если честно, – призналась я.

Родительское собрание онлайн, или «Я без прически»

Наша классная руководительница, чтобы хоть как-то навести порядок в онлайн, организовала родительское собрание. Родители мало чем отличались от детей. Кто-то не туда нажал, кто-то ничего не слышал. Мама девочки Полины, которая не нравилась себе в кадре, тоже себе не понравилась.

– Надо специальную аппаратуру для таких конференций покупать. Это просто ужас, как я выгляжу, – поделилась она эмоциями.

Еще минут пять ей все советовали оборудование для блогеров – на штативах и без, с лампами разного диаметра, с пультом и без пульта.

– Сева, а взрослые в доме есть?

Вместо родителей в кадре сидел Сева – серьезный и молчаливый, а не как обычно.

– Нету, – горько ответил Сева, – они самоизолировались в городе, а я с бабушкой и дедушкой на даче.

– Ну позови бабушку или дедушку, – попросила классная.

– Баб! – закричал Сева.

– Я не могу! Я без прически! – закричала в ответ бабушка.

– Дед!

– Я тоже без прически! – ответил дедушка. Судя по доносящимся звукам, он смотрел футбольный матч белорусского чемпионата, которому никакой коронавирус не вирус.

– Никита? А твои родители где? Почему я тебя вижу? – спросила классная.

– У меня вопрос, – ответил Никита серьезно, а не как обычно. – А можно поинтересоваться темой беседы с родителями?

– Ничего страшного, Никитушка, – ласково заверила мальчика классная, – просто обсудить наши школьные дела.

– С этого все и начинается, – понуро заметил Никита. – Все сначала говорят, что ничего страшного, а потом страшно и к директору вызывают.

– Ну так кто-то из родителей есть дома? – уточнила классная.

– Есть, но я их не позову. Мне расскажите, а я передам, – решительно ответил Никита.

– Ой, а у вас котик какой породы? Мейнкун? – спросила мама Насти маму Катюши. – Тоже хотела такого завести. Но у мужа аллергия на шерсть. Сейчас он говорит, что надо было собаку заводить. Потерпел бы.

– Могу дать нашего в аренду. Ну нормально? Все собаки как собаки – гуляют, убегают, какают в местах, которые дальше ста метров от дома. Я уж надеялась, что погуляю, не зря завели. А этот гад вообще на улицу не хочет выходить. Дальше подъезда его не сдвинешь, – пожаловалась мама Кирилла.

– Какая порода?

– Йорк. Гарри.

– Это все от давления. Погода скачет, йорки на нее реагируют. Моя Весточка тоже целыми днями спит и только на пеленку ходит.

– Уважаемые родители, – вмешалась в разговор классная руководительница, – у вас есть пожелания по реализации режима удаленного обучения? Есть ли проблемы у детей? Чем может помочь школа? Есть ли вопросы к учителям-предметникам и администрации? Какие трудности вы и ваш ребенок испытываете? Задавайте вопросы, я все запишу и передам руководству.

– А мы вообще учиться будем?

– А как итоговые оценки будут выставлять?

– А что ребенок вообще должен знать к концу пятого класса? Какая там программа? Я же не учитель. Как мне проследить по темам?

– А родители могут помогать с тестами? Ведь нечестно, если кому-то помогают, а кто-то сам мучается и делает.

– А мы выйдем с карантина?

– Размечтались!

– Это наша Весточка, она вашему Гарри лапкой машет. – В кадре появилась несчастная собачья морда.

– Какая красotka! А чем кормите?

– Ой, девочки, я уже не могу у плиты. Как прикованная! Они все жрут и жрут.

– А мне нравится. Хоть время появилось новые рецепты опробовать. Хлебушек вчера пекла.

– Поделитесь рецептиками. С чем делаете? С семечками или тмином?

– Уважаемые родители, давайте вернемся к теме обсуждения. Чем мы можем помочь нашим детям?

К нашим детям вернуться не удалось. Бабушка Севы призвала дедушку выключить телевизор и пойти уже обедать. Разогреть снова она не собирается. Сева в этот момент экспериментировал с заставками – то космос устанавливал, то еще какие-то места.

Хозяйка Весточки продолжала махать лапой собаки перед камерой. Хозяйка Гарри махала лапой Гарри в ответ.

Родительское собрание закончилось раньше предполагаемого времени. Классная руководительница попросила родителей передать детям, чтобы они через три минуты вошли в новую конференцию. Она не все успела сообщить.

- Алло!
- Сам ты алло!
- Хьюстон, у нас проблемы?
- Ярослав здесь?
- Здесь!
- Не вижу! Где здесь?
- На диване!
- Махните головой, что слышите меня!
- Мах, мах! – сказал Степа.
- Взяли в руки телефоны и сфотографировали экран с кроссвордом!
- По вертикали не видно!
- Сами себя задерживаете!
- Это кто сказал?
- Это староста сказала! Руки убрали от экрана и от клавиатуры убрали!
- Сева здесь?
- Здесь. Меня зовут Валентин Николаевич. Я дедушка Севы.
- Ой.

– Ой.

– Мам, тут опять родители сидят!

– Маам, это опять для вас!

– Дети, это не для родителей! Для вас информация! – закричала, не сдержавшись, классная руководительница. – Решите кроссворд, оформите рисунками и пришлите мне на почту. Все.

«Уважаемые родители, буквально на десять минут выйдите в эфир без детей! Есть вопросы от завуча. Важно ваше мнение! Голосуют все классы! Срочно!» – пришло сообщение от классной руководительницы в родительский чат.

Я впала в панику. За время карантина я стала часто делать макияж, в обычной жизни никогда так часто не делала. Записываю бесконечные видео, перетрясла весь весенне-летний гардероб и скоро залезу на люстру в поисках удачного и еще не использованного угла для съемок. Пожелания к записям становятся все более изощренными. Не только у меня, у мужа та же проблема. Он бегают с ноутбуком по всем комнатам, потому что вид за рабочим столом на фоне занавесок уже всем надоел. И коллеги, например, снимаются на фоне книжных полок, за столом, стоящим посередине большой и светлой комнаты, а сзади открывается прекрасный вид на струящуюся в открытое окно органзу, которая служит вроде как занавеской. В гостиной у нас на стене висят портреты предков – замечательные фотографии, семейная ценность, память. Все гости восхищались моей дизайнерской находкой. Но для видеозаписи портреты дедушек и бабушек категорически не годятся. Потому что над головой вырастает другая голова или кусок рамки. Если включить люстру, то над головой говорящего образовывается нимб. Когда я делала ремонт в квартире, у меня была мысль переоборудовать балкон под собственный кабинет, но мысль столкнулась с реальностью – цветочные горшки, бытовые тряпки, моющие средства, коробки со старыми детскими игрушками, которые рука не поднимается не то что выбросить, но даже отдать в добрые руки, требовали места для хранения.

Сейчас я поняла, что мне не хватает как минимум еще трех лишних комнат. И дополнительные квадратные метры – не каприз, а жизненная необходимость. К тому же самоизоляция не подразумевает звуковой изоляции. Поэтому в разных

комнатах разная слышимость. Если отец семейства ведет конференцию в гостиной, то в коридоре лучше ходить в мягких носках и на цыпочках. Если у дочери тренировки в папином кабинете, то крики тренеров разносятся по всей квартире, и все домочадцы готовы отрывать пятки от пола, тянуть носки и отрабатывать поворот в кольцо.

Нет у меня в квартире ни пробковой комнаты, ни шкафа, в котором можно засесть, чтобы было тихо.

Перед каждой записью я бегаю по квартире с настольной лампой, которую купила для дочери, увлекшейся шитьем, а еще с удлинителем, круговой лампой и без конца все переставляю и передвигаю, чего терпеть не могу делать. Все предметы во всех комнатах стоят на своих местах, давно, тщательно и с любовью выбранных. Но то, что хорошо смотрится в жизни, абсолютно не годится для съемки.

Да и я, как выяснилось, совершенно не гожусь для съемки, хотя в обычной жизни выгляжу нормально. Ну во всяком случае прохожие от меня не шарахаются. Иногда, в особо удачные дни, я способна убедить себя в том, что выгляжу моложе своих лет и вполне себе красавица. А уж вечером, при свете ночника, если втянуть живот и посмотреть под определенным углом, так и вовсе звезда.

Сижу уже минут пять, таращась в телефон. Нет у меня удачного поворота головы и «рабочей» половины лица. Обе половины одинаково неудачны. Я даже вспомнила правило – если держать подбородок на 90 градусов по отношению к полу, как требуют правила протокола королевской семьи Великобритании, то вид получается вполне аристократический. Ага. Никак не могу понять, где начинаются эти 90 градусов, а где заканчиваются. Если поднимаю голову выше, то видны два подбородка, если чуть ниже – то три с половиной. Слава богу, съемка чаще всего требуется до пояса, а так бы я еще со складками на талии сражалась.

Села на кухне на свой стул, на котором уже пятнадцать лет пишу книги. Посмотрела, как выгляжу. Поняла, почему дети шарахаются и пугаются, заходя на кухню. Вид у меня очень недоброжелательный. Видимо, в этом и кроется причина того, что дети у меня малоежки. Мать на кухне со скорбно сдвинутыми бровями и бесноватым взглядом точно не вызывает аппетита. Пересела в кабинет мужа. Там вроде получше, но вдруг проявились все морщины, даже

в тех местах, о которых я не подозревала. Господи, какая я старая и страшная. Еще и волосы с седым отливом. Самой, что ли, покраситься с помощью зубной щетки? Нет, не поможет. Ботокс надо не только в лоб колоть, но и в челюсть, а лучше сразу в головной мозг. Чтобы заморозился и я перестала себя вести как полоумная блогерша.

Пересела в комнату сына. Тот положил на лицо подушку, укрылся одеялом и сделал вид, что спит. Нет, не пойдет. Я серая. Даже с фильтрами, в которых ничего не понимаю. Пересмотрела записи знаменитостей. Они стоят и смотрят куда-то вниз. Искала место, где можно стоять, глядя вниз. Не нашла. Одна знаменитость сидела на полу на фоне резного сундука. У меня нет ни сундука, ни даже похожего резного шкафчика. Но неожиданно оказалось, что на полу интернет просто летает. Я проползла метр по коридору, и стало еще лучше. Никаких зависаний. Решила, что буду сниматься, лежа в коридоре.

Организаторы прислали пояснение к съемкам – непременно на фоне книг. Я же писатель. Растолкала сына.

Сажу как дура на табуретке, потому что спинка стула из кухни высовывается «крылышками» из-за моей спины. Тарашусь на бельевую сушилку. На ней стопка книг, дочкина резиновая подставка для телефона в форме котика, купленная случайно. В подставке – колпачок ручки, чтобы телефон не съезжал. Мне нужно сделать запись на пятнадцать минут. Начала говорить. Зависла после фразы «Добрый день, дорогие читатели». Вообще не помню, что должна сказать и кому выразить благодарность или поддержку. Посмотрела на себя – кошмар. Но сын с бельевой сушилки снимает лучше, чем круговая лампа со штативом для супермегаблогера. Может, он и вправду ошибся с выбором факультета и вуза? В Васиной съемке я выгляжу нормально, а не как бешеная морская свинка – с красными выпученными глазами и такой частотой морганий в минуту, будто у меня нервный тик на оба глаза. Организаторы видеоконференции попросили моргать пореже. Я попыталась. Все время срывалась на истерический смех, вспомнив серию из саги «Сумерки». Там новоявленную бессмертную вампиршу опытные вампиры тоже учили «правильно» моргать, чтобы не вызывать подозрения у обычных людей.

Оказалось, что я еще и жестикулирую много. То есть руками размахиваю во все стороны. Попросили не махать перед экраном и вообще сидеть ровно и желательно тапочки на записи не сбрасывать с ног и не елозить на стуле. Когда попросили махнуть головой в знак того, что я слышу и все поняла,

я повторила за Симиным одноклассником Степой:

– Мах, мах.

И тут же начала елозить и сбрасывать.

Вспомнила, как одна знакомая в соцсети описала свои ощущения. Если я видела себя морской свинкой, то знакомая сравнивала себя с больной канарейкой: желтая, несчастная, перья прилизаны, пытается что-то прокричать, но не может.

В нашей семейной библиотеке книги не стоят по цветам или красоте. Под стеклом – детские рисунки дочки, семейные фото и другие дорогие сердцу открытки, записочки, плакаты. Рисунок на тот момент четырехлетней дочери ваза с цветами – растет из моей головы. Встала, переставила рисунок. Снова села.

Прошло семь минут удачной записи. Но в кабинет ворвался муж, которому срочно понадобилась книга для работы. Та книга служила подставкой под телефон. Муж посмотрел на меня так, будто я надругалась над реликвией. Забрал книгу и ушел, явно обиженный подобным отношением к его рабочим материалам. Мы с сыном еще минут пятнадцать пытались найти нужную по толщине книгу. Начали запись. На восьмой минуте еще более удачного дубля позвонила моя мама, хотя обычно никогда не звонит. Не то что в это время, а в принципе. А тут у нее сердце оказалось беспокойно, и она решила убедиться, что у нас все в порядке.

На одиннадцатой минуте еще более удачной записи в кабинет ворвалась дочь, которая требовала свою подставку под телефон, мой ноутбук, чтобы узнать домашку по русскому и еще что-то очень важное.

На четырнадцатой минуте очень-очень удачного дубля раздался сначала звук с улицы – громкоговоритель, обосновавшийся под нашими окнами, регулярно призывает жителей не посещать парк, грозит штрафом до сорока тысяч рублей и грозно велит беречь себя и своих близких. После этого на кухне явно что-то кто-то разбил. Громко и со страстью. Оказалось, сын разбил чашку, но не мою любимую, а ту, которую бить не жалко, и муж побежал собирать осколки пылесосом. И это еще у меня нет домашних питомцев, которые заходят в кадр

хвостами, лапами и мордами.

Тот дубль я договорила до конца. Я же имею право на личную жизнь, на то, что мои близкие будут ронять, бить, мешать, пылесосить.

Похожая история случилась с мужем. У него шла конференция, не предполагавшая видео, – можно было просидеть с выключенным микрофоном и изображением. Поэтому он устроился в гостиной на фоне стены с портретами. В домашней футболке, которой приблизительно столько же лет, сколько мне. И нет никакой силы, которая заставила бы его снять эту футболку и выбросить.

Муж вышел из комнаты, обливаясь потом, как после тренировки. Оказалось, что ему действительно пришлось приложить физические усилия, когда организаторы неожиданно решили вывести его изображение на экран и попросили высказаться. Муж присел так, чтобы не был виден рисунок на футболке, и так, чтобы вообще было непонятно, что это футболка. Плечом же пытался загородить фото своей тещи, которое красуется у нас на стене среди прочих изображений дорогих родственников. Только родственники со стороны мужа все в приличном виде, а мама сидит на лужайке, неприлично оголив ноги и с таким глубоким декольте, что даже не очень понятно, где оно заканчивается. Учитывая, что съемка производилась в северокавказском селе, считавшемся мусульманским, и явно фотографировал мужчина, эта фотография точно заслуживала того, чтобы оказаться на семейной стене. Однако участники конференции не знали про мою маму, про село, а видели в кадре лишь, извините, грудь женщины, которая зачем-то висит фоном. И ладно бы как у еще одного участника конференции – на стене парадный портрет мужчины. Дедушки жены. Очень уважаемого и знаменитого человека. Все сразу стали восхищаться. А моему мужу чем похвастаться? Только тещиным декольте более чем пятидесятилетней давности. Поэтому он старался его заслонить плечом. Сдвинуться на пару сантиметров ему в голову не пришло.

Когда он мне рассказал про портрет знаменитого родственника по линии жены и гордость, которую испытывал его коллега, я расстроилась. Когда муж рассказывал, как он пытался заслонить тещину грудь, – обиделась.

– То есть ты нас стесняешься? – с вызовом спросила я и решила уйти в другую комнату и хлопнуть дверью. Но поняла, что уходить, собственно, некуда

и дверью хлопать тоже нельзя. В кабинете мужа – тренировка дочки, у сына – зачет в режиме онлайн, на кухне – гора посуды, которую я должна была помыть еще час назад. Отчего-то я считала, что, если не появлюсь на кухне, посуда сама помоеется. Поэтому пришлось остаться и попытаться изобразить обиду. Опять не получилось, потому что классная руководительница объявила внеочередное родительское собрание и мне пришлось срочно красить ресницы. В Zoom без ресниц мне категорически нельзя. Один раз вышла, так все стали спрашивать, как я себя чувствую. Учитывая мое несмыкание связок как официальный диагноз и по этой причине хриплый голос, я решила, что меня все родители опрыскают антисептиком через Zoom и вообще выгонят из чата как заразную.

Зато пришел муж и сообщил, что он еще хорошо выглядел на фоне тещи. Вот его коллега сидел на фоне книжного шкафа, и там листочек на полке так лежал, что казалось, будто коллега сидит в кипе. Коллега, конечно, еврей, но не до такой степени, чтобы на рабочей конференции в кипе появляться. Все решили, что на него так карантин подействовал – заставил обратиться к корням, что, конечно, хорошо, но не в рамках конференции – светской, а не религиозной.

OZOOMление на уроках

Никогда не думала, что смогу побывать на уроках дочки-пятиклассницы. Побывала. Случайно.

Биология

Зашла в комнату, где у дочери шел урок биологии, и тут же побежала за блокнотом.

– Назовите представителей рыб, – попросила учительница.

В ответ раздалось дружное пыхтение.

– Акула, угорь, стерлядь, – ответил Степа, главный знаток и любитель биологии в классе.

– Правильно, а еще?

– Шпроты! – ответил Сева.

– Шпорты – это килька, – прокомментировал Степан.

– Да, Степа, только килька.

Фоном пели попугайчики. Причем пели так, будто они галки или бакланы. Громко и требовательно.

– У кого попугаи? Отключите у них звук! – попросила учительница.

– Это у Даши Смирновой! – пожаловался кто-то.

– Да нет у меня попугаев! – ответила Даша.

– Это у меня. Если бы мог, давно бы отключил, – подал голос Кирилл. – Но это невозможно. Они все время орут. Бабушка говорит, что они поют, а я выспаться не могу. Скажите моей бабушке, чтобы она их отключила!

– Так, дети, сосредоточились. Назовите мне признаки пресмыкающихся! – продолжала вести урок учительница. – Кто готов? Нажмите значок «Поднять руку».

– Я в полном ошумлении, – сказала кокетливо Катюша. – Где этот значок?

– Антон, отвечай! Признаки пресмыкающихся! – велела учительница.

– О, я помню! Учил! – обрадовался Антон. – У них на коже эти... как их... цыпки!

– Роговые чешуйки называются, – буркнул Степан. Окружающий мир Степа любит страстно и нежно. Рассказывает про жуков и пауков так интересно, что все дети сидят с открытыми ртами.

– Правильно, Степан, – похвалила учительница. – Дети, а мы с вами хладнокровные или теплокровные?

– Теплокровные, конечно, – тут же ответил Степа с презрением.

– Хладнокровные, – ответила Катюша.

– Почему, Катюша? – ахнула учительница. – Наша температура не зависит от той, что за бортом!

– У меня зависит. Очень. За бортом холодно, и мне холодно. Мы на даче, а тут отопления нет. Я в свитере хожу. Мерзну. Очень я хладнокровная.

Литература

– Дети, на чем мы с вами расстались? – устало спросила Надежда Петровна.

– На коронавирусе, – бодро отрапортовала староста класса Катюша.

– Катюша, я про литературу сейчас, – напомнила Надежда Петровна.

– Какую литературу? Куда я попала? Эй, народ, это наш класс или я не туда попала?

– Туда, Полина, я тебя подключила, – ответила учительница.

– Ой, я не готова к литературе. Морально, – испуганно сказала Полина.

– Никто не готов, – тихо заметил Кирилл.

– Дети, мне очень тяжело так с вами общаться, давайте вы постараетесь не отвлекаться, – попросила Надежда Петровна.

– Ох, Надежда Петровна, а нам-то как тяжело! И общаться так, и не отвлекаться! – заметил Петя.

– Андерсен, – подала голос староста.

– Что – Андерсен? – спросила тяжело Надежда Петровна.

– То Андерсен. Ганс Христиан который. Вы что, забыли? – удивилась староста Катюша.

– А что с ним? – Видимо, Надежда Петровна ушла мыслями далеко и никак не могла вернуться к теме урока.

– Мы на нем остановились, – напомнила Катюша.

– Да, спасибо, Катюша. Андерсен, конечно. Надеюсь, вы все прочитали сказку про Снежную королеву? Теперь открывайте тетради и записывайте. Андерсен воспитывался в семье сапожника и прачки. Сапожника и прачки... И прачки, – начала диктовать Надежда Петровна.

– Кто воспитывался?

– В какой семье?

– Кто такая прачка?

Вопросы сыпались один за другим.

– Дети, откройте учебник, спишите оттуда биографию Андерсена. – Надежда Петровна, кажется, держалась из последних сил. – А сейчас просто послушайте интересные факты из жизни писателя и делайте пометки. Между прочим, у Андерсена хранился автограф Александра Сергеевича Пушкина. Точнее, первая страница тетради Пушкина.

– Я не поняла, а Пушкин при чем?

– Как пишется автограф?

– Я запуталась, у кого чей автограф был?

– Это Пушкин родился в семье сапожника и прачки?

– Надежда Петровна, вы не ответили. Кто такая прачка?

– А мы Пушкина или Андерсена сейчас проходим?

– Так, дети, сейчас отключите у себя звук и послушайте меня, – сказала учительница, чуть не плача. – Прочтите и законспектируйте в тетради биографию Андерсена. Спишите из учебника.

– Там ничего нет про прачку.

– И не надо, бог с ней. Давайте перейдем к обсуждению сказки. Как вы думаете, какой по характеру была Снежная королева? Кто может ответить? Да, Анечка, давай.

– Это на оценку? – уточнила деловито Анечка, которая ни слова не произнесет просто так.

– Анечка, да, на оценку, – согласилась учительница.

– Манипуляторщица она была! – заявила Анечка.

– Анечка, такого слова нет, можно сказать, что Снежная королева манипулировала людьми или она была манипулятором.

– Ну, я так и сказала! – возмутилась Анечка.

– Можно я? – подала голос Полина.

– Давай.

– Снежная королева неэмоциональная. Она холодная.

– Очень она даже эмоциональная! – вступила в спор Алиса.

– Это еще почему? – не сдавалась Полина.

– А ты попробуй так себя все время сдерживать! У нее внутри все эмоции, просто она им выхода не дает. – Алиса, судя по тону, знала, о чем говорила.

– Так, дети, а сказка-то о чем? – спросила слабым голосом и не очень настойчиво Надежда Петровна. Кажется, она уже в обмороке лежала. – Кто ответит? Петя?

– Ой, я вас не слышу! – тут же ответил Петя.

– Как не слышишь? Я к тебе обращаюсь и ты отвечаешь! Тебе точно оценка нужна! – Надежда Петровна попыталась вернуть голосу уверенность и строгость.

– Не слышу, Надежда Петровна, не слышу, але, але. – Шурх, шурх. – Роутер плохой, связи нет! – Петя то кричал, то шептал, изображая помехи с помощью подручных средств. То ли учебник на стол бросал, то ли тетрадь рвал, судя по звукам.

– Тогда... Кирилл!

– Как о чем? О любви, как всегда, – презрительно буркнул Кирилл.

– Это ты откуда взял? – Кажется, Надежда Петровна еще раз упала в обморок, впервые услышав такой вывод о прочитанной сказке.

– Из личного опыта, – серьезно ответил Кирилл. – А он у меня большой. Что ни начнешь читать, обязательно любовью все заканчивается. Все для девчонок.

– Хорошо, давайте пройдемся по фактам. – Надежда Кирилловна явно мечтала, чтобы этот урок уже, наконец, закончился. – В какую страну отправилась Герда?

– В Лапландику.

– Да, в Лапландику.

Дети орали дружно и громко.

– В Лапландию, – поправила учительница.

– Ну мы так и сказали! – обиделись дети.

– А что находилось в зале у Снежной королевы? – спросила Надежда Петровна.

– Ну, точно не зеркало. Да все что угодно могло находиться. Женщина все-таки, – ответил Кирилл.

– Собаки какой породы жили в замке разбойников? – Надежда Петровна решила не продолжать тему женской комнаты.

– Собаки-улыбаки! – заявил Петя.

– Бульдоги, дети, – ответила за всех Надежда Петровна.

– Надежда Петровна, у меня вопрос. Биографию кого переписывать – Пушкина или Андерсена?

– Дети, время нашей конференции истекает! Биографию перепишете, следующую тему по учебнику прочтете! – радостно объявила Надежда Петровна и сбежала из конференции за пять минут до ее окончания.

Русский язык

– А чё никого нет?

– Елена Юрьевна еще не подключилась.

– Может, не будет русского?

– Короче, народ, мы ждем пятнадцать минут и можем отключаться, – объявила староста Катюша. – Раньше нельзя.

– У кого там мультики? Поверните экран, все посмотрим.

– Орите потише, я еще сплю!

– Так будет русский?

– Здравствуйте, Елена Юрьевна!

– Здравствуйте, Елена Юрьевна!

– Блин, будет русский.

– Так, люди мои дорогие, быстро настроились на работу и отключили лишние звуки! У кого там попугаи орут?

– Это у Даши Смирновой!

– Да блин, сто раз уже говорила – нет у меня попугаев!

– Это мои попугаи, и они не отключаются. Никогда, – признался Кирилл.

– А у кого музыка фоном звучит? Петя, у тебя?

– Нет, не у меня, – ответил Петя.

– А у кого? – уточнила учительница.

– У моей младшей сестры! – закричал Петя, стараясь переорать интерактивную игрушку, которая фальшиво, но очень громко пела алфавит и истерично выкрикивала названия геометрических фигур.

– Попроси сестру выключить.

– Это бесполезно. Она не слушается. Я могу вытащить батарейки, но тогда вы будете слышать, как она ревет. Не знаю, что хуже, – искренне пожаловался

Петя.

– Так, а почему я вижу только двух человек? – спросила учительница.

– Я выгляжу уродливо! Поэтому вы меня не видите, – ответил Петя.

– А я жирная!!!! – закричала Полина. – Еще жирее стала! Меня бабушка закармливает!

– Полина, правильно говорить – жирнее, а не жирее. Хотя ты не жирная.

– Простите, я подвисла или уснула. А у нас какой урок? – уточнила сонно Анечка.

– Анечка, русский, просыпайся и включайся в работу.

– Елена Юрьевна, можно выйти? – спросил Женя.

– Что случилось?

– Я тетрадь дома забыл.

– А сейчас ты где, не дома?

– Дома, но тетрадь в другой комнате.

– Выйди, разрешаю, но быстро. Так и хочется сказать: «А голову ты свою в соседней комнате не забыл?» – рассмеялась Елена Юрьевна.

– А можно и мне выйти? – спросил Сева.

– Ты тоже тетрадь забыл?

– Нет, мне в туалет. Забыл сходить.

– Иди, Севушка. Остальные, открываем тетради и проверяем домашнее задание. Упражнение триста сорок пятое. Глагол «вертится» как написали?

В ответ – оглушительная тишина. Даже попугайчики замолчали и игрушка Петиной младшей сестры перестала орать.

– Народ, люди, меня кто-нибудь вообще слышит? – воззвала к ученикам Елена Юрьевна.

– Кто-то слышит, кто-то нет, – философски заметил Сева.

– Сева, отвечай, как пишется «вертится».

– Через «и».

– Почему через «и»? Объясни!

– Понятия не имею, – честно признался Сева.

– Севушка, спряжения глаголов, «вертится» – глагол какого спряжения?

– Простите, Елена Юрьевна, у меня вопрос! Важный! – подала голос Даша.

– Слушаю тебя.

– Там дальше глагол «пенится». Что это вообще значит? Не понимаю!

– Пенится, от слова «пена».

– О, я смотрела по телевизору шоу «Танцы». Там есть девушка, которую зовут Пена, – откликнулась Катюша.

– Нет, Катюша, пена – имя существительное нарицательное, а не собственное. Ты когда в ванне лежишь, мама тебе пену делает, – начала объяснять учительница.

– Я не лежу, у меня нет ванны. Только душ. Я же на даче!

– Бывает морская пена, мыльная пена... – продолжала терпеливо объяснять учительница.

– Елена Юрьевна, а почему вы мне четверку поставили за домашку? Там же все правильно! Мама проверяла, – возмущенно закричал Кирилл.

– Ты написал «гром громочет». А гром грохочет, – ответила учительница.

– Не факт! Не согласен! Гром и громотать может!

– Так, дети, давайте вернемся к заданию. Обращение как мы выделяем? Максим, отвечай! Так, Максим сделал вид, что нас не слышит и не видит. Кто? Давай, Полина. Полина, ты меня слышишь?

– Елена Юрьевна, вообще ничего не слышу! Что?

– Так, Сева, раз у тебя нет проблем со связью, отвечай ты. Как мы выделяем обращение?

– Кавычками? – удивленно спросил Сева.

– А еще какие варианты?

В этот момент я восхитилась терпением Елены Юрьевны.

– У меня никаких! – ответил Сева. – Апчихи.

– Будь здоров.

– О, благодарю вас!

– Севушка, ты «Покровские ворота» смотрел, что ли? – рассмеялась учительница.

– Да, с бабушкой.

– Хорошо, дети, запишите на листочке задание.

– Вы имеете в виду бумажный носитель? – уточнила староста Катюша.

– Да, Катюша, на бумажке, в блокноте, на листке, в тетрадке... Раньше это называлось «запишите на салфетке». Дети, я родилась в прошлом веке, но освоила современные технологии. Давайте и вы постараетесь не уйти окончательно в онлайн и не будете употреблять выражение «бумажный носитель» в тех случаях, когда можно подобрать синонимы!

– Елена Юрьевна, а сфоткать можно?

– Нельзя. Потому что нет слова «сфоткать», нужно говорить «сфотографировать»! Я настаиваю! Поэтому все переписываем. Рукой и ручкой!

Математика

– Здравствуйте, Ян Борисович.

– Здравствуйте, Ян Борисович.

– Здравствуйте, Ян Борисович.

– Извините, видимо, проблемы со связью. Домашнее задание смотрите в электронном дневнике. Решите задачи по дидактическим материалам.

– Ян Борисович, мы вас слышим! Нет проблем со связью! – закричала староста Катюша.

– Что? Ничего не слышу и никого не вижу. Работайте самостоятельно!

Ян Борисович, самый молодой преподаватель в школе, отключился.

– И чё? – спросил Кирилл.

– И всё! – ответила Катюша. – Мне кажется, он сбежал.

– Может, он не знает, как Zoom’ом пользоваться? – спросил Кирилл.

– Ага, не знает. Елена Юрьевна знает, а она из прошлого века! – возмутилась Катюша.

Мини-пирожочек, физкульт-привет от бабули, или Встали шире, три-четыре

– Зайки мои дорогие, всем привет, – бодро воскликнула классная руководительница. – У меня к вам предложение! Давайте проводить утреннюю гимнастику! Учителя жалуются, что вы спите на первых уроках, которые начинаются аж в девять двадцать пять, а не в восемь тридцать! Предлагаю встречаться в девять и дружно делать несколько упражнений. Подключайте родителей, младших братьев и сестер, бабушек, дедушек. Поднимем себе настроение перед рабочим днем! Кто за?

– Я против, от слова «совсем», – ответила Анечка страдальческим голосом. – И так просыпаюсь за пять минут до урока и ничего не соображаю, а на гимнастику точно не встану.

– Анечка, это всего на двадцать минуточек пораньше! Сделай над собой усилие! – попыталась поддержать девочку учительница.

– Не могу. Усилия над собой – не моя сильная сторона. Попыталась много раз, но не получается, – призналась Анечка, – Я типичная сова. Сейчас точно это осознала.

– Но раньше же ты как-то ходила в школу к первому уроку! – Мария Сергеевна была не готова так просто сдаться.

– Это не я, не настоящая я, а лишь моя физическая оболочка. Я жила в рамках и страдала. Только сейчас освободилась, – ответила Анечка.

– Анечка, надо ложиться пораньше, тогда и выспишься. Режим дня, здоровое питание, физические упражнения...

– Мария Сергеевна, вот вы мне сейчас истину открыли! – страдальчески прервала классную Анечка.

– А что ты делаешь ночью? – спросила Мария Сергеевна.

– Рисую, стихи пишу, музыку слушаю, – ответила Анечка.

– Это прекрасно! Замечательно! Но ты можешь это делать утром! Или в течение дня!

– Я творческая натура и за собственное вдохновение не отвечаю. Оно не наступает по расписанию, – с актерским надрывом заявила Анечка.

– Так, давайте выберем ответственных за гимнастику на каждый день. – Мария Сергеевна решила больше не спорить с творческой натурой и принялась агитировать других детей. – Только Даша, Сима, Леша и Артем пока не записываются. Вы у нас профессиональные спортсмены, поэтому мы вашу гимнастику точно не потянем. Записываются нормальные дети! Кто первый? Викуля, да? Отлично. Умница! Настоящая активистка! Завтра ты проводишь зарядку! Будешь показывать упражнения, а мы за тобой станем повторять.

– А мы что, ненормальные? – обиделась Даша, занимающаяся фигурным катанием.

– Дашуля, я никогда не смогу ногу так поднять, как ты! – ответила Мария Сергеевна испуганно.

– Я могу провести зарядку для «группы здоровья», – предложила Даша.

– Дашуля, не надо, умоляю, пожалей меня и своих одноклассников, – взмолилась классная руководительница.

– Ну и зря, – Даша все еще обижалась. – А нам, ненормальным, надо на зарядку? Если что, у меня тренировки пять дней в неделю.

– Вам точно не надо! А всем остальным – по желанию. Но хотелось бы, чтобы это желание было коллективным!

– Что происходит? Я только подключился, – сообщил Кирилл.

– А можно вместо меня мама проведет? – спросил Сева.

– А вместо меня папа.

– А вместо меня бабушка.

– Дети, дорогие мои, бабушки, папы, мамы. Все приветствуются, только не вместо, а рядом! – воскликнула Мария Сергеевна.

– Господи, кто это все придумывает? – раздался тихий девичий голос.

– Это кто сказал? – переспросила учительница.

– Никто не сказал. Я случайно подумала вслух, – тихо сказала Ксюша. – Лучше бы я в школу ходила. Устала я от этого дистанционного обучения. У меня уже аллергия на этот Zoom.

– Это на березу, – шмыгнул носом Петя.

– Это у тебя на березу, а у меня точно на Zoom, – настаивала Ксюша.

– Дети, зайки мои дорогие, должно быть здорово! Только представьте себе – позитивный настрой на целый день! Давайте попробуем, вдруг нам всем понравится? А я вас всех сфотографирую и выложу на школьный сайт. Давайте подадим пример остальным классам, покажем, какие мы дружные, спортивные, организованные, инициативные! – горячилась Мария Сергеевна.

– Ой, меня не надо снимать! Я жирная! – закричала Полина.

– Никакая ты, Полиночка, не жирная, а очень красивая, – объявила классная.

– Красивая, но жиииирныяаяя! – чуть не заплакала Полина.

– Хорошо, тебя я снимать не буду, – пообещала Мария Сергеевна.

– Почему? Потому что я жирная? Да? Я так и знала! Вы меня обманывали! Специально говорили, что я красивая! – Полина все-таки зарыдала.

– Полина, ты где? Я не вижу тебя в кадре! Ты ушла или отключилась? – разволновалась классная руководительница.

– Я ушла страдать! – закричала откуда-то из глубины комнаты Полина.

– Простите, а что происходит? – снова вмешался в разговор Кирилл.

– Происходит то, что меня не будут снимать! – закричала Полина, – Потому что я уродина!

– Прикольно, – ответил Кирилл.

– Ничего не прикольно! Дурак! – заорала Полина.

– Дети, мои хорошие, всех буду снимать! Вы все замечательные! – повысила голос учительница, пытаясь перекрычать Полину.

– Но не такие замечательные, как Даша, и Сима, и остальные, да? Они-то могут ногу за ухо закинуть, а мы не можем! То есть мы уродины, да? – У Полины начиналась истерика. – У нас будет зарядка для... Как это называется?

– Группа здоровья, – с истинно спортивным спокойствием ответила Даша, привыкшая не реагировать на чужие слезы и истерики. Она их за свою спортивную карьеру повидала с избытком.

– Как у моей бабушки! – зарыдала с новой силой Полина. – Она тоже ходит в группу здоровья для пенсионеров! Они по парку с лыжными палками ходят, то есть ходили раньше. А теперь бабушка по дому с палками ходит, чтобы форму не терять. И в планке стоит. Они с мамой все время ругаются. Мама говорит, что бабушка своими палками весь паркет изуродовала. А бабушка отвечает, что

маме планка не помешает, потому что она уже попу наела.

Дальше Полина рассказала, что бабушка, когда ходит с лыжными палками по квартире, открывает окна, чтобы создать ощущение, будто она на свежем воздухе, в парке. Мама из-за раскрытых окон мерзнет, сердится и идет есть. Поэтому в ее попе виновата бабушка. А когда папа называл маму пирожочком, бабушка начала хохотать, а мама пошла плакать в ванную. Папа вообще ничего не понял, потому что всегда называл маму пирожочком. Поскольку в семье считалось, что Полина – мамина копия, то Полина тоже пошла плакать. Значит, она тоже пирожочек. Но перед тем, как пойти заплакать, Полина уточнила у папы:

– Если мама твой пирожочек, значит, я тоже?

– Ну конечно! – радостно воскликнул папа и принялся хватать Полину за талию и изображать, как он откусывает и ему вкусно. – Только ты мини-пирожочек!

– Господи, Поляночка, зайка, я тоже не самый спортивный в мире человек, у меня тоже есть лишний вес, но это же не значит... – пыталась успокоить ученицу классная руководительница. – И вообще, красота человека не в его облике, а внутри. Надо принять свою внешность... полюбить себя...

– Ааааа! Только не это! – завопила Полина. – Вы как моя мама, она тоже все никак себя не примет!

– У тебя пять лишних килограммов для твоего роста. Приблизительно. Но, скорее всего, шесть, – спокойно заметила спортсменка Даша.

– Аааааа! – закричала Полина.

– Простите, я хотел задать вопрос, можно? – деликатно уточнил Кирилл.

– Да, Кирюш, спрашивай, – с явным облегчением откликнулась Мария Сергеевна.

– Я хотел уточнить: а сейчас что происходит? Я выпадал из конференции, – вежливо поинтересовался Кирилл.

– Ужас происходит, – сказала, заливаясь слезами, Полина.

– Согласна, – поддержала ее Даша. – Нас бы за такое поведение уже давно выгнали с тренировки.

– И сто отжиманий заставили делать, – поддержал Артем, который стал чемпионом чего-то там по боксу, – и триста прыжков на скакалке.

– Мы двойные прыгаем, с мячом в ногах, – тихо заметила Сима.

– Лех, а ты как тренируешься? В ванне, что ли? – спросил вдруг с беспокойством Артем.

Леша – профессиональный пловец. Обладатель разрядов, медалей и прочих достижений.

– Не, я на столе на кухне, – ответил он понуро.

– Это как? – тут же встрепенулись спортсмены.

– Технику отрабатываю. Мама ноги держит, или я за шкаф цепляюсь и плыву. И ОФП достало, короче, уже, блин.

– И меня, – призналась Даша. – Хоряга и ОФП сплошное. Ненавижу.

– Так, дети, завтра встречаемся в девять утра. Викуля проведет зарядку. Музыку я вам скину в наш чат! – прервала профессиональный разговор Мария Сергеевна и отключила конференцию.

Утром следующего дня Сима в девять утра честно была готова к утренней гимнастике.

– Ура! – радостно закричала Мария Сергеевна, – Нас уже трое! А где же Викуля?

Викулю ждали еще минут пять, но потом классная руководительница решила сама провести зарядку.

Где-то в середине утренней гимнастики подключился Сева, который ошибся временем.

– Севушка! Ура! – закричала Мария Сергеевна. – Присоединяйся к нам! Нам нужна мужская поддержка.

Севе пришлось остаться и изобразить наклоны вперед.

– Дети, замечательно! Как здорово! – подбадривала учеников классная руководительница.

Ученики, судя по страдальческим лицам, этого мнения не разделяли.

Уже в самом конце, когда все делали глубокие вдохи и выдохи, к зарядке подключилась Полина.

– Полиночка, вот тебе я рада, как никому! – обрадовалась классная. – Какая ты умница, что нашла в себе силы! Горжусь тобой!

– Это не Полиночка, а ее бабушка. Лариса Витальевна меня зовут. Вы же не будете возражать, если я буду присоединяться к вашей тренировке? Мне не хватает! Жизненно! Прекрасная инициатива! Полностью поддерживаю!

– Лариса Витальевна, конечно, добро пожаловать, – ответила Мария Сергеевна. – Мы уже заканчиваем, к сожалению, но еще на одно упражнение времени хватит.

– Тогда встаем в планку! Я засекаю время! Две минуты держим! Если тяжело, терпим! – скомандовала бабушка и встала в идеальнейшую планку. Кажется, даже Мария Сергеевна была в шоке.

– Ой, Лариса Витальевна, может, на сегодня достаточно? – спросила классная спустя секунд тридцать.

– Терпеть! Держать! На зубах! – прикрикнула бабуля. – Мне шестьдесят пять, я и то две минуты стою! В следующий раз в планке будем ноги поднимать! Куда? Держим! Еще полминуты! Мария Сергеевна, попу ниже! Еще ниже! Какой пример вы подаете ученикам? Зад все сжали! Там тоже есть мышцы!

– Мамочки, – тихо прошептала Мария Сергеевна, которая, кажется, пожалела о том, что пригласила на зарядку родителей и бабушек с дедушками.

– Дышим, пьем воду, и еще два подхода! А потом прессик! Нет, это никуда не годится, – объявила Лариса Витальевна. – Куда все бухнулись? Недодержали! Не стараетесь! Завтра продолжим! Будем увеличивать время на пять секунд каждый день! И утяжелители, я надеюсь, у всех есть? Завтра подготовьте. Всех целую! Физкульт-привет!

Мария Сергеевна наконец позволила себе упасть на коврик лицом вниз в форме морской звезды.

– Дети, дорогие мои, завтра у меня, кажется, факультатив у старшеклассников рано утром. Точно, я вдруг вспомнила. Если я не выйду на зарядку, вы сами делаете, хорошо?

– Мария Сергеевна, что за неспортивное поведение? – закричала Лариса Витальевна.

– Ой, а вы разве не вышли из конференции? – испугалась классная руководительница.

– Господи, ну вы как ребенок! – рассмеялась Лариса Витальевна. – Завтра встречаемся в восемь сорок пять! Заранее открыть окна, впустить свежий воздух! Понятно? Не слышу!

– Понятно, – тяжело дыша, ответила Мария Сергеевна.

– Мария Сергеевна, вы там живы? – заботливо спросил Сева минуты через две полного молчания.

– А Лариса Витальевна отключилась? – шепотом уточнила Мария Сергеевна.

– Отключилась, не переживайте, – ответил Сева.

– Я сейчас умру. – Классная руководительница по-прежнему лежала в позе морской звезды.

– У вас урок через четыре минуты, – заметила Сима, которая всегда следит за временем и расписанием занятий.

– Симушка, спасибо, что напомнила. Мне бы встать для начала.

– Мария Сергеевна, а завтра зарядка с Ларисой Витальевной будет для всех или только для вас? – уточнил Сева.

– Я не знааааю, – простонала учительница. – Кто это вообще придумал?

– Вообще-то вы, – деликатно заметил Сева.

– Да, но я же не знала, что так будет! Дети, дорогие, если я завтра не выйду на утреннюю зарядку, сотрите Ларисе Витальевне что-нибудь убедительное. На ваше усмотрение. Скажите ей, что у меня внеплановый урок. Придумайте любую причину! Я в вас верю!

Мама в своем репертуаре, или Врагу не сдастся наш гордый «Варяг»

Наша любимая бабушка, моя мама, самоизолировалась в квартире на другом конце Москвы. Ей семьдесят один год, так что она входит в группу риска. Когда все только начиналось и еще не было пропусков на передвижение и строгих карантинных мер, мама планировала уехать на дачу, как делала это всегда. Она переезжает на дачу, находящуюся в ста тридцати километрах от Москвы, в конце апреля и живет там до конца октября. По ее собственным словам, в московской квартире она не живет, а «выживает».

Я пыталась разработать план действий.

– Мам, я буду к тебе приезжать и оставлять продукты под дверь, – сообщила я.

– И что дальше? – удивилась мама.

– Дальше ты будешь выходить и забирать пакеты. Бесконтактная доставка называется, – ответила я.

– И что? Даже не зайдешь? И я должна на тебя в дверной глазок смотреть? Нет, я не согласна.

– Хорошо, есть вариант волонтерской помощи. Или я буду заказывать для тебя доставку из магазина.

– У меня есть другой вариант. Я уезжаю на дачу!

– Мам, там до магазина ехать тридцать минут. У тебя нет машины. Я к тебе не накатаюсь! Давай ты для моего спокойствия еще побудешь в Москве!

– Хорошо, – как-то подозрительно легко согласилась мама.

Кажется, у меня была видеоконференция, когда она позвонила.

– Что случилось? – спросила я, лихорадочно выключая звук конференции.

– Случилось то, что люди – идиоты, – ответила мама.

– А конкретно? – уточнила я.

– Конкретно они юмора не понимают! – сказала она и передала телефон какой-то женщине, от которой я узнала следующее.

Моя мама пришла не в местный магазин, который рядом с домом, а в дальний, потому что ей вдруг отчаянно захотелось шпината. А шпинат – только там. Естественно, у родительницы не было ни маски, ни перчаток. Но она замоталась шарфом и надела солнечные очки. Стоя в очереди, она то ли кашлянула, то ли чихнула. И на весь магазин сообщила, что только что вернулась из Италии.

Пошутила. Мама всегда была поклонницей черного юмора. Естественно, люди решили вызвать милицию и врачей, чтобы маму забрали куда следует.

– Вы совсем без чувства юмора? – кричала мама. И предложила позвонить мне, своей дочери, чтобы я подтвердила – ни в какой Италии мама не была. Я подтвердила. Поклялась.

– А вы точно в этом уверены? – уточнила звонившая женщина.

Конечно, я твердым голосом ответила, что уверена на двести процентов. Мол, мамин загранпаспорт у меня перед глазами, прямо в руках держу. Хотя, если честно, еще каких-нибудь десять лет назад мама вполне могла внезапно уехать за границу и так же внезапно вернуться.

– Мам, пожалуйста, сейчас сложное время, все в депрессии, на нервах. Держи при себе свои шуточки. И зачем ты вообще пошла в магазин?

– За шпинатом.

– Ты шпинат не ешь! Ты его терпеть не можешь. Как и крапиву, щавель и что там еще есть...

– А вот сейчас захотелось! И щавель, кстати, тоже! Может, в лес сходить крапивы молодой нарвать?

Через день мама позвонила мне сама и объявила, что в ближайшие три часа останется без связи.

– А где ты будешь крапиву рвать? В лесу? – уточнила я.

– Пойду устрою одиночный пикет, – ответила мама.

– Против чего?

– Не важно. Просто пойду устрою пикет.

Еще минут двадцать я отговаривала ее от пикетов, голодовок, забастовок и прочей публичной активности.

– Мам, давай я приеду, пожалуйста. Продукты привезу, приготовлю, уберу, – чуть не плакала я.

– Нет, дверь тебе не открою. Чтобы ты потом моих внуков заразила? Ни за что!

– А Любе ты дверь откроешь? – спросила я, находясь уже в полном отчаянии.

– Любе? Конечно! И приготовлю для нее! Кажется, она мой борщ хвалила. Сейчас сбегая за свеклой! – радостно воскликнула мама и нажала на отбой.

Я не знала, как реагировать – то ли плакать, то ли смеяться. Ради меня мама не собиралась бежать за свеклой, и я точно знала, что она не откроет мне дверь. А приезда Любы будет ждать.

Люба была маминой сиделкой после того, как моя родительница попала в тяжелую аварию. Тогда она категорически отказалась ехать к нам и потребовала доставить ее в собственную квартиру. Мне она не разрешала ни помыть ее, ни покормить. Каждый мой приезд заканчивался скандалом – я плакала, мама кричала. И тогда я нашла Любу, которая умела справляться с мамой и ее настроением.

– Люба, дорогая, привет, это Маша. Можешь говорить?

– О, Машуль, приветик! Что, Олечка Ивановна опять чудит? Слушай, я как чувствовала! Вчера про вас вспоминала! А тут ты звонишь! И что наша мамуля?

– Мамуля в своем репертуаре. Отказывается категорически от моей помощи. Волонтеров не признает. Доставку из магазина тоже. Собирается выйти в одиночный пикет. Заявила в магазине, что вернулась из Италии, – ее чуть в милицию не забрали, а оттуда в Коммунарку. На тебя согласилась. Побежала в магазин покупать свеклу, потому что ты вроде бы однажды похвалила ее борщ.

– Ой, умираю, не могу. Узнаю Олечку Ивановну! Скучала по ней. Прямо не хватало. Все такие приличные, вежливые, никакого стресса. А с вами – каждый раз как в сумасшедший дом. Приеду, не волнуйся!

– Спасибо тебе огромное, я уже с ума сошла. Не знаю, чего от нее ждать.

– Ха, так никто не знает! Завтра буду! Ну вот бывает же так! Только вчера вас всех вспоминала, а тут ты звонишь!

Любу мама встретила с расprostертыми объятиями. С борщом и котлетами. К счастью, Люба поступила как всегда – сама решила, по каким дням она станет приезжать, какие продукты привозить, и поставила маму перед фактом. У меня отлегло от сердца. Я знала, что холодильник будет забит всеми продуктами, включая шпинат с щавелем и свежесорванной молодой крапивой.

Я звоню маме каждый день – иногда утром, иногда вечером. Видимо, на мне отразилась всеобщая паника. Тут я позвонила в девять утра, она не ответила. Не ответила ни через час, ни через два. В двенадцать я позвонила Любе – узнать, когда та связывалась с мамой в последний раз. Люба присылала маме какие-то картинки, цветочки, зайчиков, поздравления со всеми праздниками – от религиозных до светских, включая День железнодорожника. Если бы я прислала маме подобную открытку, она бы решила, что ее дочь сошла с ума. А Любины послания ей нравились.

– Позавчера, с Днем то ли строителя, то ли монтажника поздравляла, а что?

– Не могу до нее дозвониться, – призналась я. – У меня сердце что-то не на месте. Непокойно. Она всегда отвечает, пусть не сразу, но перезванивает.

– Ой, да я тут за одной бабулей приглядываю. Ровесница твоей мамули. Из ванной выходила и упала. Три часа одна лежала. Слава богу, ничего не сломала, только гематома на все бедро. Но я теперь при ней, – ахнула Люба.

– Люб, вот умеешь ты поддержать.

Я тут же представила себе, как мама вылезает из ванны, падает и непременно головой или шеей об ванну. И лежит три часа.

– Соседям позвонить нельзя? – спросила Люба.

– А то ты не знаешь, что нельзя! Она со всеми соседями переругалась!

– Это да.

– Люба, давай ты ей тоже будешь звонить. Вдруг она тебе ответит? Мама мои звонки иногда игнорирует.

Маме звонили все – я, Люба, внуки, любимый зять. Она никому не отвечала.

К трем часам дня я ходила по потолку. Снова позвонила Любе.

– Да если бы что-то случилось, тебя бы нашли! Ты не волнуйся, мы тут Нину Ивановну хоронили, связи есть на этом... как его... не помню, как называется кладбище. Там Витек работает. Нормальный мужик. Телефон конторы ритуальной я тебе скину – для Нины Ивановны все в лучшем виде сделали. Мне скидку обещали. Щас, вот, нашла, у меня телефон прямой есть – Сашка симферопольский.

– Звучит как лагерная кличка.

– Да нет, он из Симферополя! Земляк!

– Люба, ты не из Симферополя, какой земляк?

– Да какая разница?

– Так, подожди, не своди меня с ума. Какой Витек, какой Сашка симферопольский? Я поеду к маме сейчас. Просто хотела спросить, ты сможешь мне помочь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/masha-traub/polnoe-ozoomlenie>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)